

Г. М. ПРОХОРОВ

«Сице помыслих лѣпо...»

(Автограф Кирилла Белозерского и устройство его обители.

По данным сборника РНБ, Кирилло-Белозерское собр., № XII)

1. Мысли о келейном правиле

Сборник РНБ, Кирилло-Белозерское собр., № XII, выделяется среди дошедших до нас двенадцати собственных книг преподобного Кирилла Белозерского «энциклопедической» широтой содержания (мы к нему уже обращались за природоведческими и медицинскими статьями).¹ Написан он пятнадцатю, по крайней мере, писцами на разновременной бумаге.² Какие-то из его тетрадей определено были в числе тех, что Кирилл принес с собой в 1397 г. из Москвы в Белозерье и имел в виду, когда говорил покушавшемуся ограбить его боярину Федору: «Вѣрѹй ми, чадо Феодоре, яко ничто ино не имѣю в жизни сей, развѣ ризы сие, яже на мнѣ видиши, и мало книжиць».³

Несомненно также, что работа, завершившаяся еще при жизни преп. Кирилла соединением тетрадей и появлением занимающего нас сборника, велась на протяжении многих лет более или менее непрерывно. Начатая, по всей вероятности, в Москве, она была продолжена в Белозерье, где писцы могли располагать — это очевидно — и оригиналами переведенных с греческого на Балканах текстов, которые они списывали, и запасами бумаги современного им европейского производства. Бумагу доставляли, по-видимому, из Крыма через Москву купцы-сурожане, а тексты для списывания — с Балкан через Москву, если не прямо к Кириллу, — какие-то монашеские курьеры.

На л. 416 этого сборника, начинающем 53-ю тетрадь,⁴ сделана от первого лица запись мысли о пении иноками в кельях канонов: «**Сице помыслих лѣпо каноны пѣти иноку въ кѣліи**» (см. рис. 1).⁵ Далее указы-

¹ См Прохоров Г М Книги Кирилла Белозерского // ТОДРЛ Л, 1981 Т 36 С 67, О земном устройении // ПЛДР Вторая половина XV века М, 1982 С 192—215

² См Прохоров Г М, Розов Н Н Перечень книг Кирилла Белозерского // ТОДРЛ Л, 1981 Т 36 С 363—369 В настоящее время этот сборник подготовлен коллективом ученых к печати, и его более подробное кодикологическое исследование содержится во вступительной статье

³ Преподобные Кирилл, Ферапонт и Мартиниан Белозерские / Изд подгот Г М Прохоровым Е Г Водолазкинским и Е Э Шевченко 2-е изд СПб, 1994 С 84

⁴ На самой тетради стоит цифра **ИД** — 54, значит, тетрадь была или предполагалась что будет последней в книге

⁵ Все снимки иллюстрации к этой статье сделаны с помощью компьютера заведующим Кодикологической лабораторией РНБ Д О Цыпкиным

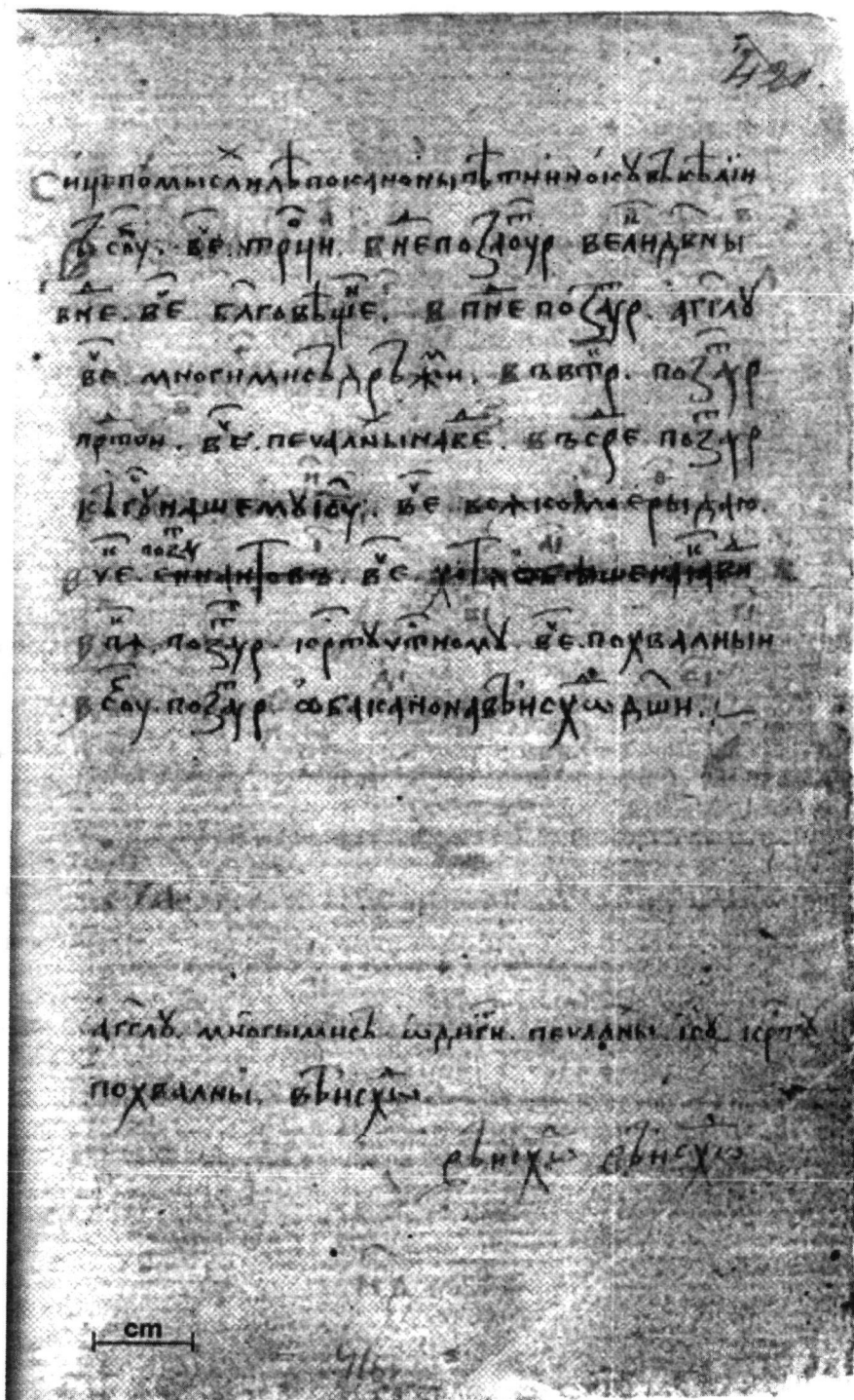

Рис. 1. РНБ, Кирилло-Белозерское собр., № XII, л. 416.

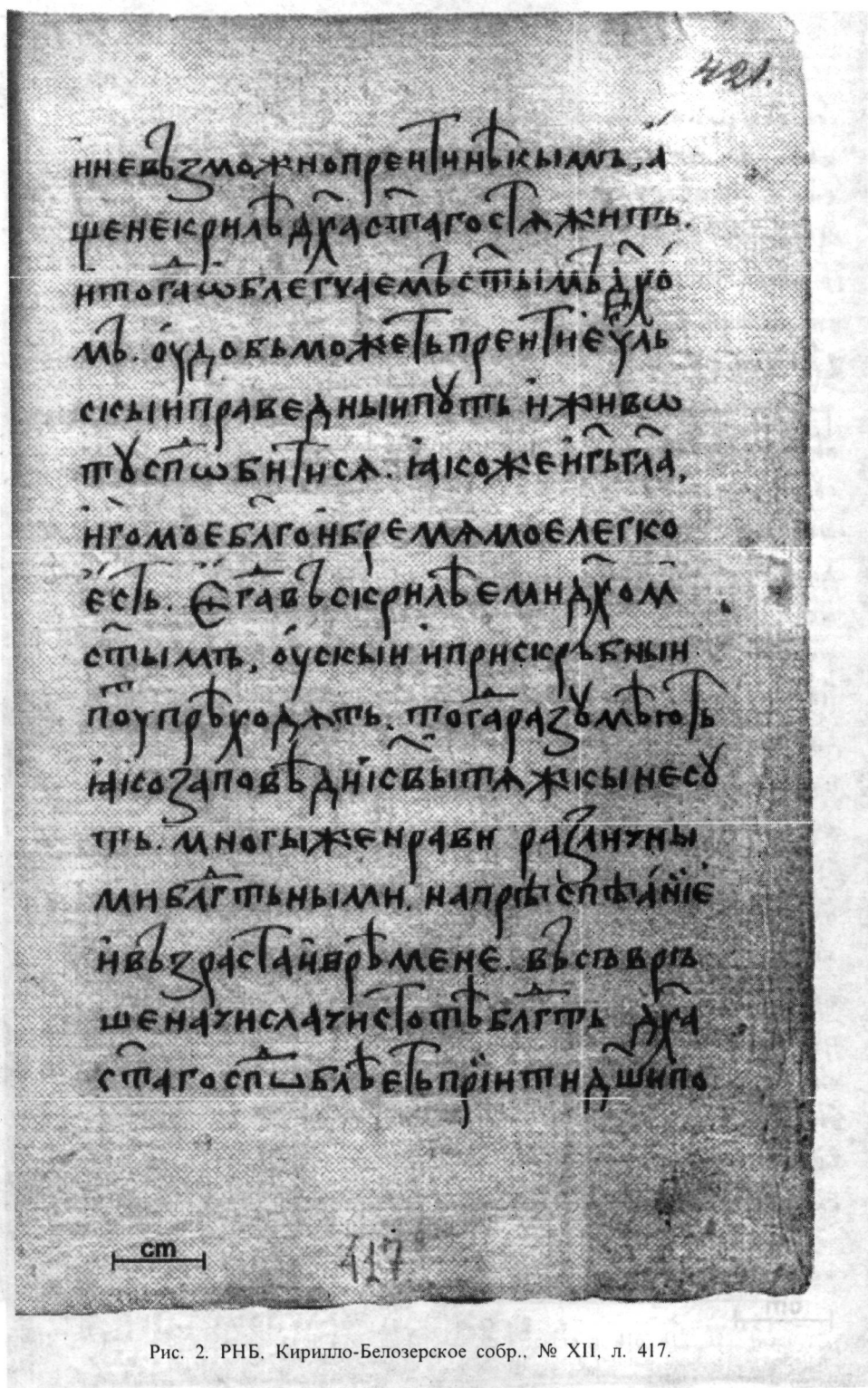

Рис. 2. РНБ, Кирилло-Белозерское собр., № XII, л. 417.

ваются каноны на каждый день с субботного вечера по субботу по заутрене. Что этот текст не может быть старше середины XIV в., показывает рекомендация петь «в четверток по заутрени **Синаитовъ**» — канон Григория Синаита, умершего в 1346 г. Славянский перевод «Канона умиленного ко Господу Исусу Христу» Григория Синаита находится в принадлежавшем Кириллу Белозерскому Каноннике 1407 г. ГРМ, др. гр. № XV.⁶ Потому кажется очень вероятным, что запись сделана самим преп. Кириллом. В ней есть зачеркнутые места и написанные по стертому.⁷ Ясно, что этот перечень-распорядок не был списан откуда-то, а создавался и изменялся человеком, имеющим в монастыре власть устанавливать для иноков келейное молитвенное правило и потому о нем размышлявшим. Мог ли это быть кто-то иной кроме игумена Кирилла?

С другими почерками сборника этот почерк не совпадает, а представляется тождественным с письмом, которым написаны другие тексты в этой же тетради: на л. 416 об.—421 — «**Свѣтаго Макарія слово**» об узком и просторном пути (см. рис. 2); на л. 421—421 об. — «**Слово свѣтаго Григорія Богослова**» — ответ на вопрос Филагрия о здравии; и на л. 422—422 об. — «**Вопрос: Кто суть шни истиннии поклонници...**» и «**Штеѣт**» (они написаны мельчайшим почерком, см. рис. 3). Хотя манера письма тут дважды меняется (на л. 416 об. и л. 422), вся эта тетрадь исписана одним человеком (см. рис. 4).⁸ Духовная грамота преп. Кирилла, хранящаяся в его монастыре (в Кирилловском историко-архитектурном и художественном музее-заповеднике), написана схожим с этим почерком, но не тем же самым; ее письмо ближе к другому, второму почерку сборника (л. 93 об.—95 об.), но тождества нет и здесь. Впрочем, сам ли Кирилл писал свою Духовную грамоту, можно сомневаться. Ему могли мешать старческие болезни; да и под его диктовку этот документ мог записать кто-то из его братии; скорее же всего, это должно было сделать официальное лицо, дьяк: в грамоте содержится обращение к князю, и уцелели остатки шнура, с помощью которого к столбцу подвешивалась печать (откуда мы и знаем, что столбец с Духовной Кирилла представляет собой оригинал документа).

2. План обители?

Близко к концу сборника, на л. 423 об., завершающем эту, предпоследнюю в книге, 53-ю (согласно же номеру на ней — «54»-ю), тетрадь, на самой загрязненной и затертой в книге странице, находится рисунок, или чертежик, сделанный пером негустыми коричневыми чернилами. Состоящий из волнистой линии, квадратиков и круга, или овала, он представляет собой, похоже, план строений на берегу (см. рис. 5).

«54»-я тетрадь, судя по загрязненности и затертости, небольшое время существовала самостоятельно, без соседей и без переплета. Но существовала в Кирилловом монастыре: ее водяной знак («лилия») находится также в тетрадях 17—21, в которых работали другие (3-й и 4-й) писцы, и — главное — совпадает с водяным знаком защитных тетрадей (по крайней мере последней, — в первой филиграней не видно, но бумага по ка-

⁶ См.: Варлаам, архим. Обзорение рукописей собственной библиотеки преподобного Кирилла Белозерского // ЧОИДР. 1860. Кн. 2. Отд. III. С. 19.

⁷ Таковыми представляются слова «къ Господу нашему Исусу» — после слов «Въ среду по заутрени».

⁸ Вывод принадлежит Д. О. Цыпкину.

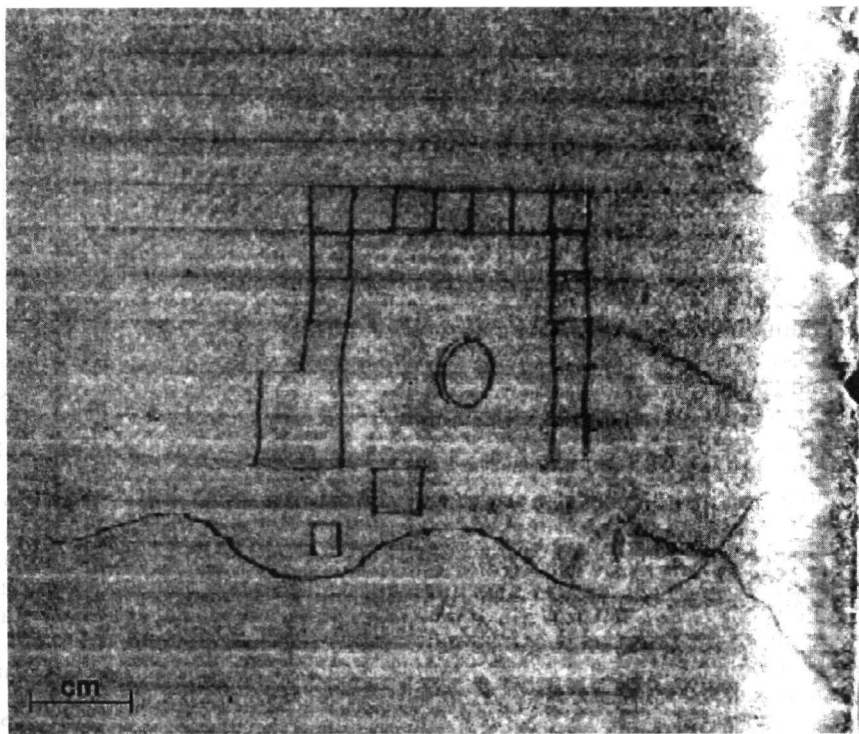

Рис. 5. РНБ. Кирилло-Белозерское собр., № XII, л. 423 об. Нарисованный план.

честву такая же, как в последней). Переплетчик книги получил бумагу для защитных тетрадей из того же запаса, откуда брал писец «54»-й тетради, по нашему счету 15-й. Три манеры письма в этой тетради, как мы говорили, судя по всему, принадлежат одному человеку. Можно допустить, что рисунок начертан его же рукой.

Что представляет собой рисунок? Неужели это действительно план строений на берегу? В таком случае это первый по древности русский план: «Древнейший дошедший до нас русский географический чертеж..., — пишет специалист, — датируется 1536 г.»⁹ а «самый древний перечень чертежей приводится в „Описи царского архива XVI в.“, но «практически все остальные сохранившиеся документы (русские чертежи, за исключением чертежа 1536 г. — Г. П.) датируются второй половиной XVII в.»¹⁰ В последнее время Н. А. Охотина-Линд и Н. А. Макаров обнаружили в рукописи второй четверти—середины XVII в. «рисунок-чертеж, сделанный пером и, скорее всего, рукой самого писца. На первом рисунке изображены „рѣчка Василневка“ и „река Шексна“ и „часовня, гдѣ почиваетъ благовѣрный князь Глѣвъ Василкович Белоозерский. Гроб князя Глѣва“. На втором рисунке, судя по всему, — изображение города Белозерска, крепостная стена с десятью башнями, на двух из которых штриховкой показаны ворота; в центре — двуглавая церковь».¹¹ Но со-

⁹ Кусов В. С. Картографическое искусство Русского государства. М., 1989. С. 5.

¹⁰ Кусов В. С. Чертежи земли Русской XVI—XVIII вв. М., 1993. С. 5.

¹¹ Цитирую по машинописи статьи: Макаров Н. А., Охотина-Линд Н. А. Сказание о Троицком Усть-Шехонском монастыре и круг произведений по истории Белозерья.

мнений в том, что чертежи существовали на Руси гораздо раньше, по крайней мере в XV в., у историка русской картографии нет: «Первые упоминания о картографических работах для межевых целей, — пишет он, — относятся к 1483 г., когда отводилась земля Снетогорскому монастырю на Псковщине; факты изготовления чертежей для украшения княжеских домов встречались и ранее. ...Однако печальная участь постигла древнейшие отечественные картографические памятники; до нас не дошло ни одного географического чертежа XV в., уцелел лишь один чертеж XVI в.»¹²

Равным образом Б. А. Рыбаков уверенно говорит о существовании карт на Руси в XV в. «Первой русской картой всей Московской державы, — пишет он, — следует считать „старый чертеж“ 1497 г., датированный достаточно точно по данным русско-шведской войны (взяты шведскими Ивангорода). ...Чертеж единого государства Ивана III был ровесником единого законодательства — Судебника 1497 г. ...Чертеж мог быть большим, значительно крупнее (а может быть и подробнее?) той карты Дженкинсона, которая сохранила нам его схему».¹³ Имеется в виду выполненная в 1562 г. карта деятеля английской «Московской компании» Антония Дженкинсона. «Какую-то карту Московии, — пишет также Б. А. Рыбаков, — русский посол в 1525 г. показывал местным ученым в Аугсбурге», и «венецианец Баттиста Аньезе нарисовал в 1525 г. карту Московии со ссылкой на имя „посла Димитирия“»; но «русская карта Московии 1525 г. осталась загадкой» и таковой остается.¹⁴

Как видим, специалисты более или менее уверены в существовании планов и карт на Руси в конце XV в. Но можем ли мы осмелиться подумать, что в конце XIV или в первой четверти XV в. кто-то на Руси был способен нарисовать *план строений*? Хотя это кажется маловероятным, просто исключить такую возможность, я уверен, права мы не имеем. Слишком уж удивительна и своеобразна та эпоха — эпоха активных связей с Византией и высокого культурного взлета Руси, когда жил Кирилл Белозерский и был создан занимающий нас сборник. Это время «премудрых» иконописцев Феофана Грека, Андрея Рублева, неподражаемого стилиста (и при том художника) Епифания Премудрого.. Феофан Грек написал тогда на каменной стене у князя Владимира Андреевича «саму Москву»,¹⁵ то есть *вид* Москвы; Феодор Симоновский, игумен монастыря, где Кирилл Белозерский был пострижен и воспитан, впоследствии архиепископ Ростовский, создал живописный образ своего дяди, преп. Сергия Радонежского;¹⁶ еще один замечательный художник, игумен Дионисий Глушицкий, написал *с натуры* образ выходца из Симонова монастыря, преп. Кирилла Белозерского.¹⁷ Когда потом живописцы на Руси будут писать города и людей, которые и которых они *сами* видели? Да и большие литературные «полотна» пера Епифания Премудрого — Жития

¹² Кусов В С Чертежи земли Русской С 6

¹³ Рыбаков Б А Русские карты Московии XV—начала XVI века М 1974 С 109

¹⁴ Там же С 8

¹⁵ См Письмо Епифания Премудрого к Кириллу Тверскому / Подгот текста, перевод и коммент О А Белобровой // ПЛДР XIV—середина XV века М, 1981 С 444—445

¹⁶ «Согласно „Сказанию о святых иконописцах“, Ф был известен и как живописец оставивший после себя „многие иконы“ на Москве были известны его письма „Деисус на Болвановке у Николы святого“ и „образ“ его дяди Сергия Радонежского (Барсуков Источники агиографии Стб 591—592) Живописью Ф занимался в основном в ранний период жизни в московском Симоновом монастыре» (Дробленкова Н Ф Феодор (в миру Иоанн) (ум 28 X 1394) — игумен Симоновский затем архиепископ Ростовский // Словарь книжников Вып 2, ч 2 С 450)

¹⁷ Хранится в Государственной Третьяковской галерее

Стефана Пермского и Сергия Радонежского и, по всей вероятности, летописное «Слово» о Дмитрии Донском, равно как и портрет-зарисовка Феофана Грека в письме Епифания к Кириллу Тверскому, написаны тоже, можно сказать, с натуры. Помимо Жития Стефана Пермского Епифаний Премудрый, согласно преданию, написал и его живописный образ.¹⁸ В тот момент нашей истории у художников словно приоткрылись культуры книги; очень скоро затем начнется ее постепенное, но неуклонное снижение. XIV—XV века — апогей нашей средневековой культуры, и эта эпоха, далеко не полностью нами изученная и «открытая», понятая, еще способна нас удивлять¹⁹

Так можем ли мы считать вероятным, что Кирилл Белозерский сам начертил пером в своей тетрадке *план строений*? Один из культурнейших и образованнейших людей своего времени, в молодости в Москве управлявший богатейшими именными великокняжеского окольничего Тимофея Васильевича Вельяминова, Козма-Кирилл, я думаю, должен был быть способен это сделать. Упомянувшийся уже современник преп. Кирилла, автор его образа-портрета, Дионисий Глушицкий, усмотрев на р. Глушице (читаем в его житии) «*мѣсто на лаврское строение*», будучи еще отшельником и еще только имея в виду желанную перспективу, «*овыде мѣсто и разчнии е по лаврскому строению*»,²⁰ то есть, по-видимому, наметил на земле план будущих построек (спустя некоторое время, когда вокруг него собралась братия и ему помогал своими работниками князь,²¹ он, вероятно, делал это заново). Кириллу тоже, несомненно, нужно было *спланировать* свою обитель, чтобы показать, как ее строить, когда вокруг него собралась братия. Ведь следом за Зеведем и Дионисием, пришедшими к нему в Белозерье из Симонова, «*начаша приходити къ святому мнози отвсюду*, — читаем мы вновь в Житии Кирилла, — *овы ползы ради, инни же, хотяще съжителствовати с ним, моляху его еже сподобити ихъ иночьскому образу. Он же по мнозѣмъ прошении принимае тѣхъ и сподобляше ихъ аггельскаго образа*»,²² Прежде чем спланировать обитель на земле, Кирилл вполне мог сделать это на бумаге; или же разом — и там, и там. Во всяком случае, существование рисованного плана в рукописи преп. Кирилла, в тетради, написанной, по всей видимости, его собственной рукой²³ и долгое время служившей ему в отдельном виде — прежде чем была вшита в его сборник, есть факт, которым мы не можем пренебречь просто потому, что он кажется нам невероятным из-за отсутствия аналогий, доказывающих способность русского человека того времени мыслить в достаточной степени абстрактно, чтобы придумать план, «*взгляд сверху*», и в достаточной степени конкретно, чтобы этот план отражал или опережал реальность.

¹⁸ См Дробленкова Н Ф (библиография) Прохоров Г М Епифаний Премудрый (2-я пол XIV—1-я четв XV в)//Словарь книжников Вып 2 ч 1 С 211—220

¹⁹ См Лихачев Д С Культура Руси времени Андрея Рублева и Епифания Премудрого (конец XIV—начало XV в) М, Л, 1962

²⁰ Житие и подвиги и отчасти чудес исповѣдание преподобнаго отца нашего Дионисия Глушицкаго РНБ Софийское собр № 438, «Сборник Дионисия Глушицкаго» 20-е гг XVI в л 26 об—27 об

²¹ Там же л 29 об

²² Преподобные Кирилл Ферапонт и Мартиниан Белозерские С 80

²³ Этот почерк А Г Сергеев опознал в происходящей из Кириллова монастыря Лестнице 1417—1418 г (РНБ, Кирилло-Белозерское собр № 34/159) содержащей удивительно красивые заставки и искусные рисунки в том числе вполне реалистический рисунок красками двух птиц Если это — рисунки писца то вполне возможно, что Кирилл Белозерский как и его учитель Феодор Симоновский был и художником

Но вообще средним векам — и ранним, и поздним, и западно-, и восточноевропейским — карты и планы были хорошо известны.²⁴ В вывезенной митрополитом всея Руси Исидором в Италию и с тех пор хранящейся в Ватикане греческой рукописи XIV—XV вв. Vat. gr. № 1892 на л. 40 находится сделанный чернилами и киноварью рисунок-план лабиринта, а на л. 40 об. и 42 об. — планы египетской дельты;²⁵ карту с изображением Британии можно видеть в сделанном ок. 1430 г. греческом списке сочинений Птолемея,²⁶ план Константинополя — в Liber insularum Archipelagi Христофора Буондельмонте 1422 г.²⁷ Объемные объекты, стены, башни, здания изображаются на средневековых планах по большей части аксонометрически, как бы с птичьего полета, либо «с фасада». Но известны и простые планы-схемы без всякой аксонометрии и изображения наружности. Таковы, к примеру, план Святого Гроба в Иерусалиме, нарисованный епископом франков Аркульфом в 670 г.,²⁸ сложный план монастыря Сен-Галлен 816—837 гг.,²⁹ план водоснабжения аббатства в Англии начала XIII в.,³⁰ схематический план из Винчестер Колледж ок. 1390 г.,³¹ план-скетч Кленчвортона в Норфолке ок. 1400 г.,³² рисованная пером и чернилами карта части Overflakkee в Южной Голландии 1487 г.³³ Правда, внутри этих планов почти всегда присутствуют надписи, на занимающем же наше внимание плане надписей нет. По-видимому, он был нарисован снаружи тетрадки ее писцом и владельцем не для каких-то неведомых будущих читателей, а для самого себя и, может быть, для работников в момент строительства обители. Приглядимся к этому рисунку.

Волнистая линия снизу может обозначать берег озера (река, наверное, была бы обозначена двумя линиями). Берег Сиверского озера у Кириллова монастыря изгибался как раз напротив холма, где первоначально поселились Кирилл с Ферапонтом в выкопанной ими пещерке. Сейчас он искусственно выровнен соответственно отрезкам и поворотам построенных вдоль него в XVI—XVII вв. мощных крепостных стен.

Над волнистой линией изображены строения-квадратики в виде буквы П или, скорее, Л, потому что левый нижний прямоугольник больше остальных и выступает наружу. Внутри «буквы» помещен кружок, говоря точнее — овал, а под ней, ближе к волнистой линии — еще два отдельных квадратика разной величины. Если образующие «букву» квадратика обозначают монашеские келии,³⁴ то круг или овал внутри «буквы» должен указывать положение церковки, а отдельные квадратика на берегу — места хозяйственных построек.

²⁴ См Bagrow L History of Cartography / Revised and enlarged by R. A. Skelton Cambridge, Massachusetts Harvard University Press, 1964. Cartography in Prehistoric Ancient, and Medieval Europe and the Mediterranean / Ed by J. B. Harley and David Woodward Chicago London The University of Chicago Press 1987

²⁵ Рукопись Vat gr № 1892 любезно указана мне О. Г. Ульяновым. Ее описание см. Codices Vaticani Graeci Codices 1745—1692 Recensivit Paulus Canart Bibliothecas Vaticanae scriptor Tomus I Codicum enarrationes In bibliotheca Vaticana MCMLXX P 529

²⁶ См Rish G History of Cartography Harper & Row Media Program New York, Evanston, San Francisco London о а P IV

²⁷ См Bagrow L History of Cartography Репродукция «С» между с 64 и 65

²⁸ Cartography in Prehistoric P 467

²⁹ Ibid P 468 Hecht K Der St. Galler Klosterplan Wiesbaden VMA-Verlag 1997

³⁰ Cartography in Prehistoric P 470

³¹ Ibid P 472

³² Ibid P 485

³³ Ibid P 487

³⁴ Точно таким же образом изображены «дворы» Гавриловской слободы на сделанном в XVI в. чертеже царских конюшен. См. Кусов В. С. Чертежи земли Русской

Церкви на известных нам европейских средневековых и русских планах XVII—XVIII вв. изображаются обычно сбоку — «анфас» или «в профиль», а иногда и в вертикальном разрезе. Здесь же перед нами либо взгляд сверху, либо символическое изображение. Если это взгляд сверху, то возможно, что церковь показана на рисунке так же, как другие строения, — соответственно *форме* постройки: ведь она вполне могла быть восьмигранной шатровой, почти что круглой; но вероятно также, что круг указывает на главную особенность церковного здания — его *купол*. Продумывая же возможность символического изображения, мы должны ответить на два вопроса: почему могло быть нужно изобразить на плане церковь не «реалистически», а символически, и каким для этого символом естественно было тогда воспользоваться? Мы сейчас обозначили бы храм на плане, наверное, крестиком — как символом христианства; в конце же XIV—начале XV в. для этой цели могли воспользоваться кругом — и как указанием на наличие купола, и, полагаю, как символом Вечности, о котором пишет Дионисий Ареопагит, как раз тогда ставший доступным на Руси в славянском переводе.³⁵ А изобразить церковь символически могло быть нужно, когда ее еще не существовало в природе. Из Жития Кирилла мы знаем, что церковь в обители была построена, когда вокруг Кирилла уже собралась какая-то братия: «...понеже ѹбо вратнамъ тогда, съ святымъ сѹще, нѹжда бысть церковь въздвигнути ради общаго съврания, и помолнша блаженаго о създании церковнѣм...».³⁶ Вероятно, с решением построить церковь связано *планирование* вокруг нее *всей обители*. Прежде того регулярного плана у обители, вероятно, еще не существовало. Заметим здесь, что и текст на л. 416 «*Ѣще помыслихъ лѣпо каноны пѣти иноку въ кѣли...*», о котором мы говорили, представляет собой тоже не что иное, как *план* — план порядка пения канонов иноками по кельям. Значит, *начало* и *конец* 53-й тетради занимающего нас сборника отражают *мысли* преп. Кирилла о том, какой должна быть создаваемая им обитель. Так что к занимающему нас рисованному плану тоже, я думаю, приложимы слова игумена: «*Ѣще помыслихъ лѣпо...*». Переведем их и продолжим: «Так, подумал я, хорошо *будет построить обитель*».

В «Пахомиевской» редакции Жития Сергия Радонежского содержится рассказ о перестройке-расширении Троицкой обители преп. Сергием, где читаем: «*Прииде же нѣкто ѡт Смоленска архимандрить, Симонъ именем, и многа имѣннѣя принесе съ собою, и дасть в рѹцѣ святому во еже вольшѹ церковь въздвигнути, еже и бысть. ...Ѣгда же рассѹднѣйший пастырь и премѹдрый в доводѣтелехъ мѹжь монастырь вольший въздвигъ, келии ѹбо четверообразно сътворити повелѣ, посредь ихъ церковь во имя живоначалаго Троица, сътворити видима, тако зерьцало, трапезѹ же и ина, елика на тропевѹ вратамъ*».³⁷ План, который Сергий повелел придать своей обители, в принципе совпадает с планом, который мы видим на рисунке в рукописи Кирилла. Разница лишь в одном: в монастыре Сергия «четверообразно» поставленные келии должны были огораживать церковь со всех сторон (как это можно и теперь видеть в греческих монастырях Святой Горы Афон), а на занимающем нас рисунке кельи образуют только *три* стены; со стороны же берега обитель оказывается незагороженной, или, так сказать, огорожен-

³⁵ См. Дионисий Ареопагит О божественных именах О мистическом богословии СПб., 1994 С XVIII—XIX (2-е изд. — 1995)

³⁶ Преподобные Кирилл, Ферапонт и Мартиниан Белозерские С 82

³⁷ Тихонравов Н Древние жития преподобного Сергия Радонежского М., 1892 Отд 2 С 15 Благодарю О Г Ульянова за указание мне этого текста

ной водой. Вспоминая слова Пахомия Серба, что место, выбранное Кириллом для своего монастыря, было «всюду, яко стѣною, окружено водами»,³⁸ можем сказать, что одной из стен у обители на рисунке осталась вода.

По-видимому, так и было в «домѣ Пречистѣй, Кириловѣ оградѣ»,³⁹ судя по «Чюдѣ о слѣпой женѣ», приведенной к святому Кириллу. Желая проверить, «аще помилова ю Богъ», Кирилл спрашивал ее, что она видит, и та отвечала сначала: «„Вижду книгу, юже в рѹцѣ имѣеши“, — вѣяше бо святыи тогда книгу имѣа в рѹцѣ своей (это мог быть и занимающий нас сейчас сборник с чертежиком. — Г П). Таже по сих рече: „Вижду езеро и люди ходяще“». ⁴⁰ Прозревающая женщина могла увидеть озеро из обители (по рассказу о чуде кажется, что дело происходило внутри монастыря), только если ограды со стороны озера у обители не было.

Вспоминается здесь и эпизод спасения рыбаков — тоже из Жития Кирилла. «Буря велиа» застигла однажды монастырских рыболовов среди озера, и они «не можаху къ брегѹ прити, и уже живота отчаявшимся, смерть пред очима имуще. Нѣкий же человекъ, Флор именемъ, стоя на брегѹ езера, зря вѣду и погывель ловцемъ, скоро притече къ святому и сказѹетъ емѹ вѣду, яко: „Ловци, — рече, — въ езере утопают“. Святыи же, слыша, скоро вѣста и, крестъ в рѹцѣ вземъ, течаше и на врезу езера вывъ», сотворил крестом крестное знамение, и «в той час преста езеро от волнения своего и в тишину велию преложися». ⁴¹ Путь Флора от воды к келье Кирилла и Кирилла из кельи на берег, согласно нарисованному плану, был коротким и преград не имел. Две отдельно стоявшие — по-видимому, хозяйственные — постройки их «течению»-бегу помешать не могли.

О хозяйственных постройках монастыря в Житии преп. Кирилла говорится. Во-первых, это «манастырская ксенодохиа, сирѣчь казна», откуда братия получала все необходимое — «одѣяна же и овѹща, и прочая же к телеснѣй потребѣ». Ею ведал «Нафанаиль нѣкто», который при Кирилле «высть келарь тоа обители». Во-вторых, это поварня. Из Жития мы знаем, что преп. Кирилл имел обыкновение «по отпѣтии заутряго славословия и по своемъ обычнѣмъ правилѣ приходити в поварню видѣти, кое братнамъ вѹдетъ ѹтѣшение». ⁴²

Большой прямоугольник в левом основании «буквы», по всей вероятности, — трапезная. Она почти напротив круга или овала, в котором мы готовы видеть церковь. Трапезная существовала в обители: выходя после службы из храма, читаем вновь в Житии Кирилла, монахи соблюдали порядок старшинства, «къ трапезѣ идѹще». Располагаться трапезная должна была, как это обычно в монастырях бывает, напротив, или примерно напротив, западного входа в храм. Монастырь Кирилла находится на северном берегу Сиверского озера, так что квадратик на плане, в котором мы готовы видеть трапезную, оказывается на западе-юго-западе от круга-овала, в котором мы готовы видеть церковь. Точно так относительно церкви расположены трапезные в Троице-Сергиевом, Спасо-Андрониковом и Иосифо-Волоколамском монастырях. ⁴³

³⁸ Преподобные Кирилл, Ферапонт и Мартиниан Белозерские С 76

³⁹ Там же С 112

⁴⁰ Там же С 118

⁴¹ Там же С 106—108

⁴² Там же С 80

⁴³ Наблюдение О Г Ульянова

Теперь мы можем лучше представить себе еще один эпизод из Жития Кирилла: «Единою же случися нѣкоемѹ от ѹченикъ его, Мартиннианѹ именемъ, от трапезы ити к нѣкоемѹ братѹ нѣкни ради potrzeby. Ёгоже видѣвъ святыи къ иной келии ѹклоншася, призывает его к себѣ и въспросивъ его: „Камо идеши?“». ⁴⁴ Судя по чертежику, от трапезной хорошо было видно, в какую из келий кто идет.

Окошки келий выходили, по-видимому, только вовнутрь обители. Наверяд ли «нѣкий человекъ, Андрей именем», живший «близъ обители святаго» и задумавший ее сжечь, осмелился бы подойти к ней и приложить «огнь к стѣнѣ», ⁴⁵ будь у этой стены окна. Окошко кельи Кирилла дважды упомянуто в рассказе о брате Долмате, который умер без причастия, чем очень огорчил Кирилла: «Святыи же, яко ѹслыша, зѣло оскорбися и скоро оконце келии затвори и прочее с плачем обратися къ Богу на молву. Помалѣ же прииде братъ, слѹжай предреченномѹ Долматѹ, и толкнувъ оконце ѹ келии преподобнаго, и възвѣсти блаженномѹ Кирилѹ, яко Долматъ живъ есть и еще святыхъ таинъ требуетъ причаститися». ⁴⁶

Если кельи в монастыре Кирилла имели общие стены, образуя букву «П», как квадратики на рисунке, то понятно, как пожар, о котором мы читаем в Житии Кирилла, легко мог уничтожить их разом: пламя от одной загоревшейся кельи было тогда готово «вся кѹпно объяти» и казалось, что уже «неутолимо все огонь объят и угасити немощно»... ⁴⁷

3. Устав

На л. 255—270 об. занимающей нас рукописи, филигрань которых указывает на 1407—1426 гг. (то есть исписаны, они, несомненно, в Белозерье), помещается Скитский устав: «Предание ѹставом прѣвѣвающимъ иннокимъ скитскаго житія». Других уставов в книгах Кирилла нет. По Скитскому уставу, можно думать, и жила сначала обитель преп. Кирилла. Но в Житии Кирилла Белозерского Пахомий Серб говорит, что в своей Духовной грамоте тот благословил и молил князя Андрея Дмитриевича следить, чтобы никто в его монастыре ничего «от овцаго житиа чина» не посмел «разорити». ⁴⁸ Заглядывая же в оригинал Духовной Кирилла, мы видим, что об общежительном чине речи там нет. Кирилл просит князя изгонять из монастыря тех, кто «мое житийце, грѣшна человекѣка, имѹтъ переначивати», «кто по моемѹ житицю не ходитъ». ⁴⁹ Нет никакой уверенности, что «мое житийце» преп. Кирилла в Белозерье было именно общежительным. Скитский же устав содержится и в другой его рукописи — РНБ, Кирилло-Белозерское собр., № XV, л. 69—100. Это вообще самые древние из известных списки Скитского устава (греческий его текст неизвестен, болгарских списков нет, сербские более поздние).

Судя по тому, что мы знаем об устройстве древних египетских, сирийских и палестинских, а также более поздние афонских монашеских поселений скитского и лаврского типов, их насельники руководствовались одним и тем же мало варьиовавшимся скитским правилом, и брат-

⁴⁴ Преподобные Кирилл, Ферапонт и Мартиниан Белозерские С 86

⁴⁵ Там же С 80

⁴⁶ Там же С 108

⁴⁷ Там же С 100

⁴⁸ Там же С 128

⁴⁹ Там же С 186

ские кельи в них традиционно располагались вокруг маленького общего храма, куда монахи собирались в субботы и воскресенья для церковной службы.⁵⁰ Только в скитах кельи ставили далеко друг от друга, чтобы монахи не видели и не слышали один другого, а в лаврах — тесно, близко друг к другу и к храму. Но и в том и в другом случае рядом с храмом устраивалось помещение для общей трапезы и собраний. Именно лаврскому устройству обители точно соответствует то, что мы видим на рисунке в рукописи Кирилла Белозерского.

И этот план в принципе совпадает с тем, каким представлял себе первоначальное расположение построек в Кирилло-Белозерском монастыре специально изучавший его устройство и строения Н. К. Никольский. Он пишет, что, когда в Кириллу стала собираться братия, «необходимость заставила тогда соорудить кельи для новопришедших. Для самого игумена, вместо землянки, было построено деревянное помещение».⁵¹ И «эти здания, вероятно, находились уже не на горе..., где была первая его келия, а... на полуострове, врезавшемся в Сиверское озеро».⁵² «Возведя первую очень небольшую деревянную церковь, новое братство (в состав которого вошли и несколько иноков симоновских) во главе с игуменом посвятило ее (как то было и в Симонове) „Успению Пресвятой Богородицы“. Новопостроенный храм сделался, как и в московских монастырях, центром, подле которого на небольшом уголке земли, обнесенном оградой, приютились несколько братских келий, трапеза, поварня, хлебопекарница и т. п. службы».⁵³

Чертеж из рукописи основателя монастыря вносит в представление Н. К. Никольского самые незначительные уточнения: судя по нему, поварня и хлебопекарница помещались в одном строении (его, по-видимому, изображает больший и ближайший к трапезной из двух отдельно нарисованных квадратиков), а ограду обители образовывали сами келии (как в афонских монастырях и в ските Оптиной пустыни; в Троице-Сергиевой лавре на начальной стадии ее жизни, видимо, до перестройки, о которой мы говорили, келии были ограждены «тыном»⁵⁴).

При третьем после Кирилла игумене, Трифоне (ок. 1435—1447 гг.), план Кирилло-Белозерской обители решительно изменился. В Житии Кирилла мы читаем, что тогда «единъ от велмож, Захария именем» (московский боярин Захария Иванович), «от Бога научень, дасть сребра много игумену и вратни къ церковному зданию», «Тѣмже помощию Божию и церковь прекрасна въздвижена вьсть», «Таже по сих и трапеза велика и красна поставлена вьсть», и монастырь «распространити тщахуся. Тогда во, при блаженомъ Кирилѣ, тѣсно вьше овьято мѣсто оно, заеже вратства тогда не много вьше. Егда же вьсхотѣ Богъ волшми дарованими и чудесы прославити Своего угодника, тогда множае вратство умножаашеся. Сего ради и величайшаго мѣста требоваше к монастырьскому строению...».⁵⁵ Значит, при Кирилле занимаемое монастырем место было небольшим, и при Трифоне там стало тесно

⁵⁰ См Гролимунд Василий Между отшельничеством и общежитием Скитской устав и келейные правила Их возникновение, развитие и распространение до XVI века // Монастырская культура Восток и Запад / Сост Е Г Водолазкин СПб 1999 С 122—135

⁵¹ Никольский Н К Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до 2-й четверти XVI в (1397—1625) Т 1 вып 2 Об основании и строениях монастыря СПб 1897 С 20—21

⁵² Там же С 21

⁵³ Там же

⁵⁴ См Житие Сергия Радонежского // ПЛДР XIV—середина XV века М, 1981 С 320

⁵⁵ Преподобные Кирилл, Ферпонт и Мартиниан Белозерские С 140—144 Ср Никольский Н К Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство С 22—23

С этой перестройкой изменилось в монастыре все, «кромѣ обычая и устава, яже влаженный Кирилъ уставилъ», — пишет Пахомий Серб.⁵⁶ Кажется, что это — «лакировка действительности»: в рассказе «Из Духовной аввы Иосифа Волоцкого в Кириловѣ монастырѣ, иже на Бѣли езерѣ» мы знаем, что «по скончании во влаженнаго Кирила и ученикъ его, Инокентіа и Христофора, бысть въ свители настоатель в наша лѣта въ инога монастыря (имеется в виду определенно Трифон. — Г П),⁵⁷ иже нѣкая преданія и законы святаго Квчила не храняше и в невреженіе сихъ полагаше», что привело к острому, доходившему до рукоприкладства конфликту с ним старцев Досифея Неведомцина, Симона Картмазова, Михаила Трепарева, Иринарха Сухого, Феогноста Ибобурова, Феодота Проскурника и иных.⁵⁸ Пахомий же говорит о Трифоне кратко: «Быше овцаго житна правило, иже есть даже и донынѣ недвижно молитвами и укрѣпленемъ вогонснаго отца», потому что тот «тщашеся всячьски и елико мощно, да ничто же овцаго житна и обычая монастырскаго разорится и да ничимъ же повредится».⁵⁹ К началу 60-х гг. XV в., времени игумена Кассиана (1448—1465 и 1466—1470 гг.), чьи рассказы записывал Пахомий, монастырь, несомненно, жил по общежительному уставу как киновия. Кирилл же, мы видели, располагал только Скитским правилом. Но это не обязательно противоречит тому, что мы читаем в Житии: вероятнее всего, скитское правило в богослужении сочеталось у Кирилла с общежительными нормами в том, что касается личного имущества, дисциплины, труда и трапезы иноков. Так, «лаврское строение» в обители Дионисия Глушицкого несколько — согласно написанному в конце XV в. его Житию — не противоречило строгому общежительному запрету «никомуже каковы-любо потревы держати и ничтоже звати свое, но все обще».⁶⁰ Пример общего для лавр и общежитий правила находим в самом изучаемом нами сборнике Кирилла: «Аще который инокъ, въ вщемъ житіи или въ лаврѣ сый, и питиѣ без молитвы втѣца своего, рекши игумена, да сътворитъ поклоны 150 и стоаніе без сна ночь единѣ, моласа Богови» (л. 19).

Так или иначе, ясно, что Кириллова обитель эволюционировала обычным тогда путем: от пещеры отшельника к скиту, или лавре, и далее — к общежитию. Вопрос лишь в том, когда произошел в ней переход от лавры к общежитию и был ли он столь же резким, как в Троицком монастыре Сергия Радонежского после получения тем грамоты от патриарха Филофея.⁶¹

Итак, территория Кирилло-Белозерского монастыря десять—двадцать лет спустя после смерти его основателя, при игумене Трифоне, существенно увеличилась, качество строений в нем — в первую очередь церкви и трапезной — улучшилось, и расположение их, в том числе келий, существенно изменилось. Так что после этой перестройки план в рукописи Кирилла ни опережать, ни отражать реальности уже не мог.

Но он должен был отстать от реальности еще раньше, при жизни Кирилла. Дело в том, что примыкающих друг к другу квадратов на

⁵⁶ Преподобные Кирилл, Ферапонт и Мартиниан Белозерские С 144

⁵⁷ См Toucas-Bouteau M Le monastere Sait Cyrille du lac Blanc, centre spirituel, economique culturel et scial de la fin du XIVeme sciecle au debut du XVeme Universite Michel du Montaigne Bordeaux III These de doctorat 1995 Vol 1 P 304

⁵⁸ РНБ, Кирилло-Белозерское собр., № 18/1095, сборник, XVI в., л. 551—553 См также ВМЧ Сентябрь, 9 СПб., 1868 С 479—481

⁵⁹ Преподобные Кирилл, Ферапонт и Мартиниан Белозерские С 140—142, 144

⁶⁰ РНБ, Софийское собр., № 438, л. 29 об.—30

⁶¹ Житие Сергия Радонежского С 366—368

рисунке пятнадцать; можно, стало быть, думать, что, когда план рисовался, братии в монастыре было пятнадцать человек. В момент же смерти игумена-основателя иноков в его обители было, как мы уже знаем, в три с половиной раза больше: «вѣше во нх тогда 53 вратий».⁶² Значит, рисунок в рукописи Кирилла показывает нам план его обители если не в момент ее созидания, строительства (что вероятней всего), то в период ее начального существования как лавры.

4. Кельи — скриптории

Писцов нашей рукописи, как и примыкающих друг к другу квадратов на рисунке, мы насчитали пятнадцать. Даже если мы допустим, что кто-то из создателей тех частей книги, которые могли быть написаны до ухода преп. Кирилла в Белозерье (1397 г.), остался в Москве (как, например, 6-й писец, написавший в 25—27-й тетрадах «Стязаніе» с евреями, чей почерк нигде больше в рукописи не встречается), совпадение числа почерков изучаемого нами сборника с числом квадратов на рисунке (или, говоря осторожнее, близость к их числу, потому что возможна ведь ошибка в нашем подсчете количества писцов) убеждает в том, что квадратики действительно обозначают кельи и что едва ли не вся первоначальная иноческая паства Кирилла Белозерского была, как и он сам, грамотной и наученной и обязанной писать книги (ведь пришедший с Кириллом из Симонова в Белозерье неграмотный Ферапонт, как мы знаем, скоро его покинул).

Впоследствии, в конце XV—начале XVI в., тем же Скитским уставом пользовался, как мы тоже знаем, преп. Нил Сорский. Но он — это сообщает нам Повесть XVII в. о его ските — предпочел ставить кельи далеко друг от друга, чтобы из одной не было слышно, что происходит в другой, — в соответствии с чуть более древним, чем лаврский, скитским типом устройства обители. А кроме того, преп. Нил решил не принимать в свой скит неграмотных.⁶³ В сборнике же Кирилла мы видим подглавку «Се ш неумѣющих, ни же прочитающих святого Писанія», которую в своем списке Нил Сорский опустил.⁶⁴ Кирилл Белозерский допускал, стало быть, возможность приема в свою паству людей неграмотных. И похоже, что неграмотные среди его братии в обители были: сказав, что «не вѣше в нх никакого празднословія...», Пахомий Серб пишет: «Аще же кто и глаголати хотѣше, но ничто ино, развѣ от Писанія на ползѣ прочимъ вратнам, паче же иже Писанія (или же: писанна? — Г П.) не вѣдущимъ».⁶⁵ Мы знаем, однако же, что, приняв неграмотного юношу Михаила, уроженца с. Сяма (между монастырем и Вологодой), которого родители привели к нему и которого он нарек Мартинианом, Кирилл прежде всего отдал его учиться грамоте жившему поблизости от обители дьяку Олешу Павлову.⁶⁶ Стало быть, на практике грамотности иноков Кирилл Белозерский придавал большое значение. Как и сам он в Симоновом монастыре, так и его воспитанники в Белозерье, по крайней мере

⁶² Там же С 128

⁶³ См Прохоров Г М Повесть о Нило-Сорском ските // ПКНО Письменность Искусство Археология Ежегодник 1976 М, 1977 С 15—18

⁶⁴ Имеется в виду рукопись ГИМ, Епархиальное собр., № 349/509, автограф Нила Сорского См Прохоров Г М Автографы Нила Сорского // ПКНО 1974 М 1975 С 50

⁶⁵ Преподобные Кирилл, Ферапонт и Мартиниан Белозерские С 90

⁶⁶ См Там же С 236

в начале существования обители, со всеми другими видами работ и занятий сочетали писание книг.

Кажется уместным повторить здесь слова современной французской исследовательницы М. Тука-Буто, автора диссертации о Кирилло-Белозерском монастыре в период с конца XIV по начало XVI в.: «Кириллу удалось организовать у себя настоящую мастерскую по переписке»; причем «монахи работали не в скриптории, а в своих кельях. Кирилл сумел обучить писцов и сделал это так, что после него некоторые из них способны были в свою очередь обучать других. Так что начатая Кириллом традиция не просто продолжалась долгое время после его смерти, но, более того, она блистательно продолжалась в его духе».⁶⁷

Представление о монастыре Кирилла в целом как о мастерской по переписке книг кажется справедливым лишь применительно к начальному, «лаврскому» периоду существования обители. К концу жизни Кирилла, когда число его братии превысило пять десятков (и они либо должны были ставить новые кельи, либо тесниться по нескольку человек в старых), наверное, не все они писали книги, но кто-то из них руководствовался правилом «*ш неумѣющихъ, ни же прочитающихъ святаго Писанія*». К этому времени обитель Кирилла была, возможно, на грани превращения в общежитие. Но сам факт существования и сохранения в монастыре *собственной келейной* библиотеки основателя — наряду с общей монастырской — является, по-видимому, рудиментом лаврской эпохи, которая при нем еще не завершилась. Спустя же три с половиной десятка лет после смерти Кирилла, когда Пахомий Серб записывал рассказы о нем игумена Кассиана и других иноков Кирилло-Белозерского монастыря, в том числе Мартиниана, возврат к лаврскому состоянию означал бы развал общежития и, значит, был невозможен, почему Пахомий и *прояснил* соответствующим образом завещание чудотворца Кирилла.

Как раз этой эволюции своего скита — в общежитие с частично неграмотной братией — постарался через несколько десятилетий поставить преграду, чуть-чуть сократив почерпнутый из сборников Кирилла Скитский устав, Нил Сорский.

⁶⁷ Toucas-Bouteau M. Le monastere Sait Cyrille Vol 1 P 277